— Поняла, мама. Я вернусь завтра утром.

Чжоу Инди немедленно ответила свекрови. Она всегда искренне беспокоилась о своей золовке, Цзяхуэй. И надеялась, что та сумеет отыскать подходящего мужа, который будет любить ее и прекратит ее страдания.

Чэнь Гуйсян кивнула и сказала:

— Не поезжай с пустыми руками, прихвати из дому с десяток яиц.

Чжоу Инди торопливо покачала головой.

— Нет, мама, оставь яйца семье — я куплю племяннику закусок по дороге в город. К примеру, печенье, фруктовые конфеты и все такое прочее — все это приличные сладости, которые легко привезти, да и стоят они недорого.

Чэнь Гуйсян похлопала ее по руке, очевидно, не соглашаясь со словами невестки.

— Возьми их с собой: то, что ты купишь — твое; то, что ты берешь у семьи, делается ради семьи.

На следующее утро Чэнь Гуйсян, проводив невестку Чжоу Инди, вошла в комнату к своей дочери и увидела, что Дон Цзяхуэй шьет.

Позавчера кто-то прислал ей кусок ткани и попросил пошить платье фасона, который был так популярен сейчас. В качестве вознаграждения были обещаны две порции риса и три порции сладкой картошки.

Сладкий картофель не так уж редок, но рис — еще как. Двух порций риса было достаточно, чтобы целая семья смогла наварить себе целый горшок.

— Какая жалость, что дома у нас нет швейной машины. Ты управилась бы быстрее, если бы она у тебя была.

Несколько ее невесток рано вышли замуж. В то время каждая семья жила в стесненных условиях и не имела лишних денег на такую ценную вещь. Вдобавок, на швейные машинки тратятся не только деньги, но и талоны, которые не могли себе позволить обычные фермеры.

— Все в порядке, я все равно ничем не занята. Нет ничего сложного в том, чтобы пошить пару вещей.

Дон Цзяхуэй была не такого складу, чтобы пользоваться создавшейся ситуацией. Сейчас она считалась брошенной женщиной, которая вернулась в материнский дом, и ей стыдно есть здесь задарма, ничего не делая.

Сельские районы в эту эпоху придавали большое значение замужеству дочерей. Не говоря уже о том, что она была дочерью семьи Дон, нынешнее ее положение для других действительно было достойно критики.

Родителям и братьям было все равно. Она не знала, что об этом думают ее невестки. Дон Цзяхуэй собиралась делать все возможное, чтобы отплатить семье добром и с большей уверенностью приниматься за ужин.

Чэнь Гуйсян села рядом и погладила дочь по волосам. Она могла понять мысли Дон Цзяхуэй, так как была ее матерью. Но если бы не мнение других, она была бы счастлива, если бы дочь оставалась с ней рядом вечно.

Но она и ее муж однажды состарятся. Они не могли оставить дочь одну в этом мире. Им нужно подыскать для нее хороший дом.

***

— Дунлин, тебе следует хорошенько поразмыслить. Твои усилия, прикладываемые более десяти лет, оказались затрачены впустую. Позволь тебе сказать, на этот раз у тебя есть хороший шанс на повышение. Сейчас ты — командир батальона. Поскольку ты ушел в отставку из армии, можно сказать, что тебе не удалось добиться успеха.

Теперь солдаты были очень востребованными, даже великий кормчий говорил, что ему нравятся не накрашенные женщины, а вооруженные люди. Не так-то просто было для детей из деревни, таких как он, шаг за шагом выбраться оттуда. Сколько боли, усилий и ранений они вынесли!

Чжао Дунлин, высокий и крепкий мужчина, типичный китаец, спокойно курил. У него было твердое и смелое выражение лица — как у героя.

— Я все обдумал. Вот что. Иногда в жизни приходится сдаваться. Дома что-то случилось, а моя нога ранена. Даже если я останусь, возможно, у меня не получится далеко продвинуться.

Никто в армии ничего не сказал по поводу его развода с Ван Мэй. Он немного стыдился и не хотел, чтобы его боевые товарищи беспокоились.

— Эй, мне жаль. Мы столько лет были боевыми товарищами. Мы правда не сможем

поодиночке.

Чжао Дунлин выдохнул в ночь полный рот дыма и стряхнул пепел. Держа в руке сигарету, он всмотрелся в далекое ночное небо. Звезды усыпали его целиком, словно тысячи печалей его сердца.

Несколько месяцев назад ему пришло письмо от Ван Мэй. Он любил и уважал свою жену за то, что она вышла за него.

В тот год, когда приехал домой повидаться с родственниками, он встретил Ван Мэй, стоявшую в очереди. Она изо всех сил пыталась тащить мешок пшеницы, шла и обливалась потом. Он подошел помочь ей и отнес мешок на деревенскую мельницу, чтобы зерно перемололи.

— Спасибо. Ты солдат? Как тебя зовут?

Она лучезарно улыбнулась и искоса посмотрела на него. Ее глаза лучились улыбкой, от которой у него дрогнуло сердце.

Он не помнил, как они сошлись, но женился на Ван Мэй во время весеннего фестиваля, и в следующем году у них родился сын, Хайдано.

За последние несколько лет они провели вместе чуть больше двух месяцев. Ван Мэй в своем письме сообщила, что не хочет быть вдовой при живом муже и влачить такую бедную жизнь. Ей не терпелось уехать из деревни, не терпелось оставить его и семью Чжао, чтобы начать новую жизнь.

Чжао Дунлин написал ответ и попытался искупить свою вину, но Ван Мэй была настроена очень решительно. Она сказала, что в городе ее ждет работа, и призвала его поторопиться и подписать все бумаги о разводе.

— Дунлин, не заставляй ненавидеть тебя, я так долго ждала этого дня. Отправиться в деревню было ошибкой, выйти за тебя тоже было ошибкой, я не могу жить неправильной жизнью, как сейчас — это последний раз, когда я тебя о чем-то прошу. Пожалуйста, дай мне пожить самой по себе.

Ее слова разбили ему сердце, не говоря о том, что это было болезненно, это также вызвало у него уныние. Казалось, что он впервые узнал Ван Мэй и понял ее решимость.

Чжао Дунлин подписал заявление о разводе и заставил себя уступить. Теперь брак казался ему детской игрой.

Вероятно, как Ван Мэй и сказала, они ошиблись с самого начала.

Чжао Дунлин закрыл глаза и задумался, так оно и есть. На самом деле, за столько лет он ужасно устал.

http://tl.rulate.ru/book/62659/1686461